

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.48

Социальный конфликт и риск в междисциплинарном анализе*

Д. А. Абгаджав, А. И. Стребков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Абгаджав Д. А., Стребков А. И.* Социальный конфликт и риск в междисциплинарном анализе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 218–230. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.206>

В статье подвергаются анализу конфликт и риск с позиций междисциплинарного подхода, который все в большей степени завоевывает признание и авторитет в качестве методологической парадигмы, открывающей научные перспективы, особенно в анализе многоставных явлений общественной жизни. Претензии конфликтологии как молодой науки на междисциплинарный характер обусловлены ее предметом: способом взаимодействия с обществом, пронизывающим все сферы, а вместе с тем отрицающим и утверждающим связи и зависимости одновременно, определяя тем самым облик самого общества. Общество как система в дисциплинарной парадигме конфликта представлено в качестве продукта противоречий, проявляющихся в конфликте как разрушительной силе, угрожающей существующей безопасности, стремящейся упразднить существующую систему отношений; в междисциплинарной парадигме разрушающая функция конфликта мыслится как подготовительный этап его созидательной способности разрешать накопившиеся противоречия. В дисциплинарной парадигме конфликт представлен как способ разрушения мира, в междисциплинарной — как способ разрушения старого и созидания нового. Обращение к междисциплинарному анализу позволяет увидеть в конфликте как его негативные, так и позитивные свойства, безотносительно того, насколько противоположности, существующие в обществе, антагонистичны. Междисциплинарный анализ приводит нас также к пониманию тождества и различия конфликта и риска, позволяет рассмотреть проблематику социального риска в контексте проблематики конфликта, раскрыть социально-генетическую связь между ними и прийти к выводу, что конфликт производит риск, последний закрепля-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

ется в отношениях, становясь их непреложным элементом, оказывая обратное воздействие на конфликт установлением пределов действий взаимодействующих сторон.

Ключевые слова: междисциплинарность, междисциплинарный подход, конфликтология, конфликт, риск.

Междисциплинарный подход в анализе явлений становится модным если не на деле, то на словах, что можно считать симптомом неудовлетворенности наук господствующими сегодня методами познания. То, что «современная наука междисциплинарна и знания добываются в тесном сотрудничестве специалистов самого разного профиля и компетенций» [1, с. 449], сильно преувеличено, ибо нет общего и вполне приемлемого представления о междисциплинарности в науке. Так что такое междисциплинарность в анализе явлений? С одной стороны, под междисциплинарностью понимают многообразие самого объекта познания, требующего рассматривать его не с одной, а со всех точек зрения, отображающих это многообразие. С другой стороны, под междисциплинарностью понимают особенности самого познания, представляющего объект познания как многообразный, или многосоставный, объект. В первом случае признается способность объекта познания изменяться в форме при сохранении содержания. Во втором случае исходят из метода познания, наиболее адекватно отражающего плюральный состав объекта. Посему нельзя согласиться с представлениями В. С. Мокия и Т. А. Лукьяновой, которые термином «междисциплинарность» обозначают возможность расширения научного мировоззрения посредством использования знаний и познавательных средств различных дисциплин, а междисциплинарный подход — как способ расширения научного мировоззрения в направлении обогащения знаний, методологии и языка одной научной дисциплины за счет знаний, методологии и языка другой научной дисциплины [2, с. 10]. Это видимое движение наук друг к другу и получаемые приращения знаний в результате использования методологии одной дисциплины для решения проблем другой выдается за сущность междисциплинарного подхода, который есть рефлексивный результат сходного предмета в дисциплинарных методологических парадигмах.

Эта несоотнесенность с действительностью, особенно с социальной действительностью, не позволяет признать междисциплинарный подход к ее анализу верным. Почему? Во-первых, нет надобности исследователю, ограниченному дисциплинарным подходом в анализе действительности, делиться сходными предметными областями. «Сходные предметные области» есть исходный пункт познания всех существующих сегодня наук, будь то науки о природе или человеке и его сообществах. Авторы в признании междисциплинарного подхода как интегрированного, как наличествующего разнородного знания о сходном предмете, волей-неволей начинают признавать этот факт цельности предмета познания, разделенного по дисциплинарным областям. Пришло время не собирать камни-знания, приобретенные в рамках различных наук об одном и том же предмете, а увидеть в терминологической специфике, в специальном языке дисциплинарной науки схожее или единое в различии. В науках об обществе, где предметные области едины, эта терминологическая схожесть — продукт действительного движения к социальному единству, к такому единству, которое упраздняет различия, вследствие чего сам по себе исходный предмет — общество и его действительная клеточка — человек —

откажут дифференцированному знанию и потребуют интегрированного знания, обозначенного единой терминологией. Дифференциация наук об обществе и человеке, начавшаяся в 20–30-х годах XX в., движущаяся по пути расчленения целого и превращения в самостоятельные предметные области единого, внутри себя структурированного на элементы, находящиеся в единстве в силу схожести, а не различий интересов, особенно материальных интересов, есть продукт существующего общества, не могущего достичь единства, не сталкивая эти интересы. «...У социальных наук появилось много граней, но произошла утрата единого метода и единого предмета» [3, с. 116]. Этот кризис в науках об обществе и человеке есть симптом великого движения против социальных различий, порождаемых экономическими законами.

Во-вторых, предмет познания и получаемого в результате этого знания о нем есть продукт добывания этого знания и его производства, т. е. особой научно-профессиональной деятельности, расчлененной и противопоставляемой деятельности ученых, эксплуатирующих данный предмет. В силу существующего научно-профессионального разделения труда, порожденного этим разделением эгоистического интереса ее носителей, процесс интеграции социогуманитарных наук сдерживается, вступает в противоречие с уже имеющейся потребностью в интеграции социогуманитарных наук с естественными науками, так называемой конвергенцией наук [4], что почти 280 лет тому назад, пишет Р. Дарендорф (R. Dahrendorf), «застолбил» Дэвид Юм (David Hume) в идее «равенства социальной науки и естественных наук» [3, с. 11]. В силу того что интеграция социогуманитарного знания есть объективный процесс, определяемый социальной необходимостью (что заметно уже по проникновению одних наук в другие, по так называемым бинарным дисциплинам), перспектива этой интеграции реальна. И процесс проникновения одних наук в другие как переходный процесс к полной интеграции говорит о потенциальности самого предмета познания, единая сущность которого настоятельно требует подходить к нему как целому, внутри себя структурированному, но не до степени антагонизма и враждебных противоположностей и борьбы, а как к тождеству в различающемся, различному в тождестве. Но для того чтобы тождество в различающемся стало движущей силой интеграции наук, оно обязано быть в действительности таковым. И действительность все в большей степени таковой представлена. Мир практически приобрел основу своего бытия, он категорически стал миром рынка. Эта основа, скрепляющая современный мир, делает его единым даже при условии наличествующих различий, антагонизм которых не разрывает это единство, а требует его в действительности, а потому и наука как фрагмент этой действительности волей или неволей захвачена этим процессом.

В-третьих, восприятие междисциплинарности как инкорпорирования языка и методологии одних наук в другие предполагает поглощение одной науки другой, что маловероятно, противоречит действительности интеграционных процессов в научной сфере, если речь идет о замене одного языка одной науки другим. Интегративный характер междисциплинарного подхода заключается не в языке науки — он консервативен до тех пор, пока не происходят научные революции, переформатирующие представления, зафиксированные в языке и понятные всему сообществу ученых, — а в методологии [5, с. 92–100]. С междисциплинарностью и междисциплинарным подходом, который начинает культивироваться в социо-

гуманитарных науках, связан методологический переход. Методологии, используемые в них, исчерпали себя до степени недоверия продуктам или результатам, получаемым в рамках дисциплинарных наук [6]. А исчерпав себя, они встали перед дилеммой — двигаться в направлении дисциплинарности или междисциплинарности. И это движение к междисциплинарности как новой методологии, которая не выискивает схожие предметные области, а берет предмет анализа как много-составный, могущий быть рассмотренным с позиций различных дисциплин, есть робкая попытка признать за предметом анализа его универсальность. Быть универсальным — значит быть пригодным для разных целей, многофункциональным, распространенным, всеобщим, т. е. психологическим, социологическим, экономическим, политологическим, философским и тому подобным, одновременно. Социальная действительность одновременно являет нам все стороны как социальности, так и индивидуальности, при условии, что индивидуальное не есть очищенное от социального (очищенное от социального индивидуальное есть животное), оно есть та или иная степень социальности в индивидуальном, а социальное — та или иная мера индивидуального в социальном. Междисциплинарный анализ учитывает это многообразие, предоставляя возможность во всей этой многосторонности акцентировать внимание на той составляющей предмета, которая в той или иной мере актуализирована тематически. Если взаимодействие осуществляется в поле политики, где принудительность отношений представлена наиболее ярко, то и анализ не может выходить за пределы политического, определяющего специфику данного взаимодействия. Политическая составляющая в анализе актуализируется до степени непереносимого, тогда как иные составляющие — экономическая, психологическая и прочие вне актуализации — приобретают значение сопутствующих детерминант, эпифеноменов, не оказывающих кардинального влияния на способы взаимодействия, а лишь сопровождающих их. Взаимодействие, продуктом которого в конечном счете является общество, приобретая большую самостоятельность по отношению к другим способам взаимодействия, в междисциплинарном анализе получает адекватное отражение как многосоставное явление со сложной системой иерархических взаимосвязей и зависимостей, одни из которых носят специфически устойчивый и воспроизводимый характер, выталкивая на периферию детерминант факторы, без которых не может быть воспроизведена эта устойчивость или закономерность, другие — в большей или меньшей степени устойчивы, уменьшаясь в своем значении, они в меньшей степени предопределяют содержание взаимодействия.

В различных парадигмах познания явление приобретает различное понятийное обозначение. Тогда как все большая практическая зависимость одной сферы от другой, все большая их обусловленность производством и его продуктами требует от социогуманитарной науки не только зафиксировать этот переломный момент в развитии общества, но и насыщать понятийные рефлексии данной интегративной тенденцией. Тот факт, что общество движется в определении самого себя через преодоление различий, должен быть положен в основу, быть путеводной звездой социогуманитарных теоретических рефлексий.

Междисциплинарность в конфликтологии получила свое полное признание в качестве ведущего и необходимого метода, без которого она не могла бы состояться как наука. Конфликтология выступила интегрированным знанием, венчающим

дифференциацию наук, действительным переходом к некоторой общей науке о человеке и обществе. Дифференциация науки об обществе и человеке, необходимая на этапе накопления знания, в результате разложения явления на элементы и связи между ними, должна уступить знанию интегрированному, могущему вырваться за пределы того или иного фрагмента явления, ставшего предметом какой-то отдельной науки, уступив объединенному в целое знанию о человеке и обществе. Марк Блок (Marc Bloch) писал в связи с этим: «Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию». Развивая эту мысль, он заметил: «Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины — пусть самые специальные с виду, — необходимо уметь их связать вместе убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук» [7]. «Связать вместе и ясно» — значит уложить всю совокупность используемых методов познания в прокрустово ложе действительной истории, диалектика которой требует в ее познании следовать ей — и будь что будет. Но требование времени, уповающего на неизменность общества, как вечность и бесконечность неизменяемого, вносит свои коррективы во все методы познания, приспособлявая их к этому времени, и на место метода заступает идеология, которая «сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее» [8, с. 16].

Осознание того, что конфликт есть такой способ взаимодействия, который характеризует современное общество, требует подходить в анализе общества к конфликту как процессу, в котором постоянные изменения есть результат столкновения интересов, в какой бы сфере деятельности данные столкновения ни происходили. Подвигает к необходимости увидеть в нем причины такого явления, как конфликт, взглянуться в его внутреннюю структуру, выделить ведущие элементы этой структуры и предложить практические рецепты его урегулирования. Но если мы исходя из целого полагаем, что конфликт разорителен, что он не способствует развитию общества, или же наоборот, что без конфликта данное общество не может жить, то тем самым мы приходим в своих заключениях к двум диаметрально противоположным выводам: либо к выводу о том, что конфликт нельзя разрешить, его можно умерить, сохраняя его как способ, которым общество воспроизводит самое себя; либо к выводу о том, что конфликт разрешим самим конфликтом, изменяющим общество, в котором «социальные эволюции перестают быть политическими революциями» [9, с. 185].

Конфликт как крайний способ взаимодействия, противоположный мирному способу разрешения противоречий, порождает соответствующее себе общество — конфликтное, чьи устойчивость и стабильность начинают зависеть от меньшей или большей силы, тотальности, диктата. Избыточный конфликтогенный потенциал общества соответствующим образом начинает оказывать влияние на его устойчивость, стабильность и безопасность. Чрезмерная конфликтность приводит общество в состояние бескомпромиссности, анархии и уязвимости. Именно на такие формы конфликта, сила которого превышает пределы конфликтности в обществе, устанавливается лимит, ибо их разрушительность в действительности может серьезно изменить социальный каркас, упразднить господствующие социальные интересы и выдвинуть на авансцену общественной жизни иные социальные интересы, придав им господствующее значение. Поэтому каждое общество создает

механизмы удержания конфликта в пределах допустимых норм, не позволяющих ему окончательно разрушить общество.

Вне междисциплинарного подхода конфликт чаще всего осмысливается только как разрушительная сила [10, с. 44]. В то время как в междисциплинарной парадигме анализа он представлен как способ разрешения накапливаемых противоречий во взаимодействиях людей или разрушения всего того, что препятствует развитию общества, что отжило и не может быть условием прогресса. В междисциплинарной парадигме анализа раскрываются две социальные сущности конфликта, два результата его функционирования одновременно. Одна — отрицающая всякое противодействие укорененного в обществе интереса, а другая — утверждающая жизненность и силу, а вместе с тем и необходимость отрицания этого интереса, не имеющего социальных перспектив. Но так как обе стороны одновременно отрицают противоположные и утверждают свои собственные интересы в действиях, то мы имеем дело с борьбой, не локализованным пространством и временем конфликтом. Он есть в одно и то же время и борьба, и мир, он в самом себе есть противоречие и отсутствие такового, он есть борьба противоположностей и их единство, борьба в мире и мир в борьбе. «"Мир" — это не более чем изменение формы конфликта, или смена конфликтующих сторон, или смена предмета конфликта, или, наконец, возможностей выбора» [10, с. 40], — пишет М. Вебер (M. Weber). Конфликт одновременно есть способ разрушения и созидания.

Обращение к междисциплинарному анализу позволяет увидеть в конфликте как его негативные, так и позитивные свойства, безотносительно того, насколько противоположности, имеющие место в обществе, антагонистичны. Парадигмы анализа конфликта и его социальных свойств, заключающихся лишь в негативизме, приводят к оценке его как деструктивного явления, разрушающего общество, а вместе с тем к отрицательному отношению к самому конфликту как способу взаимодействия. Тем самым невольно приходят к отрицанию самого общества, для которого конфликт не является генетически чужеродным элементом. Исключение конфликта из общественного оборота равносильно гибели самого общества. Современное общество только и существует благодаря конфликту. Один тот факт, что без конфликта общество существовать не может, свидетельствует о наличии у конфликта позитивных социальных свойств. Однако на этом его позитивные свойства не ограничиваются. Они расширяются до таких форм, в которых концентрируются его созидательные социальные свойства. Конфликт, проявляясь в качестве способа разрешения обостренных противоречий, накапливаемых в обществе, открывает простор для утверждения новых форм социальной жизни, которые получили достаточную и объективную основу в его недрах, а вместе с тем и их господства. Отрицая прошлое в его неспособности осуществлять положительную социальную функцию утверждением настоящего и способного эту функцию реализовать по-новому, конфликт тем самым реализует социальную миссию: быть источником развития общества.

Представления о конфликте находят свою основу в состоянии современного общества, в законах, утверждающихся в противоречиях и их разрешении, в превращениях одного в другое не вопреки конфликту, а лишь посредством него. Как превращение труда в капитал проходит через конфликт, так и все виды деятельности, прежде чем получить социальную значимость, проходят стадию конфликта.

Конфликт не только способ взаимодействия, это особый способ взаимодействия, являющийся нам в различных своих социальных функциях и особенно в своей разрешающей и созидающей функции. Конфликт — великий посредник между различными состояниями общества, пронизанного противоречиями, требующими разрешения и разрешаемыми им. Упразднение причин противоречий самим конфликтом, не сдерживаемым искусственно, а значит политически, не обязательно должно сопровождаться актами насилия, предпочтительны акты ненасилия, не менее действенные и исторически эффективные. К способам ненасильственного взаимодействия относятся реформы, которые разрешают противоречия не хуже революций, однако борьба со следствиями не сказывается на их причинах. Для революций характерно разрешение противоречий исключением причин, путем изменения господствующего интереса и подчинения этому интересу. Все реформаторские действия, направленные на разрешение конфликта, осуществляются в пределах неизменяемых отношений, а если и изменяемых, то лишь в контексте исторически определенных отношений господства и подчинения. Революционные действия, направленные на разрешение конфликта, изменяют существующие отношения исключением причин конфликтов. В последнем случае конфликт становится способом разрешения себя самого. Из чего следует вывод о том, что конфликт в самом себе есть требование изменений, требование освобождения движения не «в умершую эпоху», когда «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад» [11, с. 121], а в эпоху прогресса, где конфликт не является продуктом господствующих отношений и определяющим способом взаимодействия.

Конфликты, результатом которых являются реформы или коренные изменения отношений, революционизирующие всю основу социальной жизни, различаются между собой тем, что первые, в отличие от вторых, не нацелены на разрушение существующей социальной системы. Если первые конфликты, разрушая, сохраняют целостность системы, то вторые — создают возможность для созидания новых отношений, противоположных тем, которые породили этот конфликт. Последние фиксируют факт накопления противоречий старой системы, которые могут быть разрешены конфликтом, несущим в себе новую систему отношений. Переход системы из одного социального состояния в другое осуществляется в согласии с законом перехода количественных изменений в качественные, отрицанием прошлого состояния системы и утверждением нового его состояния. Эти два закона, которым в исследованиях конфликта не придают должного значения, как никакие иные законы отражают значение конфликта в разрешении противоречий и перехода социальной системы в новое качественное состояние. Они позволяют историю человечества рассматривать как историю постоянных борьбы и мира, в которых принимают участие социальные классы как носители прогресса и регресса.

Конфликтология изначально представлена как междисциплинарная наука в силу того, что конфликт не является способом взаимодействия, относящимся лишь к одной сфере жизни. Он есть способ, пронизывающий все сферы жизни, принадлежит им с полным правом закона и движущей силы, ничем не отличая их друг от друга. В способах взаимодействия они едины и различаются лишь языком, научно рефлексирующим данную сферу. Для конфликтологии разные обозначения конфликта в различных науках не является помехой. Ее предметом является кон-

фликт как устойчивый и воспроизводящийся в социальном пространстве и времени способ взаимодействия различных сфер жизни общества, и в этой своей всеобщности представленный как закономерный, определяющий и общество и каждую его сферу в отдельности. Какое терминологическое определение закрепляется за конфликтом в той или иной дисциплинарной науке — для конфликтологии не существенно, для нее катастрофическим является то, что та или иная дисциплинарная наука стремится поглотить конфликтологию и тем лишить ее самостоятельного знания и метода, характерного только для нее. Междисциплинарность конфликтологии не в том, что конфликт стал предметом анализа многих наук [12, с. 15], а в том, что в действительности конфликт есть исторический факт, и независимо от сфер зарождения, протекания и разрешения он есть особенность общества как такового, а не его отдельных сфер. Этот вывод требует относиться к конфликту как к интегративному способу взаимодействия, различающемуся по уровню, субъектности, интересам и инструментарию разрешения конфликта и поддержания мира, требует видеть в конфликте, помимо негативного способа взаимодействия, его созидательный потенциал.

Междисциплинарный анализ приводит нас также к пониманию тождества и различия конфликта и риска. Риск, как и конфликт, пронизывает все сферы жизни, являясь интегрированным следствием социальной жизни. Именно междисциплинарный анализ позволяет рассматривать проблематику риска, а именно социального риска, в контексте конфликта и раскрыть социально-генетическую связь между ними.

Ближайшим следствием конфликта как закона общественной жизни в системе капиталистических координат является поражение одной из сторон конфликтного взаимодействия и победа другой. То отрицательное положение, которое уготовано побежденной стороне в результате конфликта, получило название социальных рисков. Риски есть продукт конфликтных форм связи индивидов в обществе, и не только индивидов, но и целых классов. В силу того, что в конфликте принимают участие как минимум две стороны, два субъекта, два индивида, два класса и результаты данного конфликта для каждой из сторон взаимодействия являются нам как победа и поражение, риски могут быть рисками потерь и приобретений, а не только рисками потерь, на что обычно обращается внимание. Риски приобретений не менее значимы, ибо не всякая монополизация чего-либо влечет положительный эффект. Она, купирывая конфликты, приведшие к монополизации, порождает новые конфликты, которые в свою очередь порождают и риски потерь приобретенного. Диалектика рисков потерь и приобретений, когда потери одних становятся приобретениями других, а приобретения одних — потерями других, напрямую вытекает из такой организации общества, где конфликт является закономерным, т. е. необходимым способом взаимодействия. Рассмотрение рисков в отрыве от конфликтов не просто обедняет проблему рисков, а искажает ее до высоты иллюзий, что риск может быть «калькулирован» и предотвращен. «На карту, — пишет Н. Луман (N. Luhmann), — поставлено (во всяком случае это важно для науки) использование количества и его практическая релевантность» [13, с. 136]. Данная иллюзия проистекает из представлений о риске как дисциплинарном явлении, и поэтому участие в его исследованиях множества дисциплин и отраслей наук привело к негативным последствиям: так и не появилось понятия «риск», «которое могло бы отвечать на-

учным притязаниям» [13, с. 138], пропасть между дисциплинами, предметом которых является риск, «становится все глубже и шире, они расходятся, как континенты» [13, с. 135], проблема риска есть проблема трансдисциплинарной отрасли знания [13, с. 138], в чем мы с Н. Луманом в полной мере согласны. Но мы не согласны с тем, что уже в самих решениях, принимаемых актором, скрывается риск, будучи сам по себе множественным и объективным, рефлексивным, рефлексивным через такое понятие, как «опасность» [13, с. 151]. В действительности «черные лебеди» не являются ниоткуда, они продукт борьбы, обусловленной законами, которыми отягощено общество и согласно которым всегда должен быть проигравший, а проигравший есть олицетворение риска, объективность которого вне воли человека, созданного его же деятельностью, но не обязательно рефлексивного через понятие «опасность». Понятий, через которые может быть отрефлексирован риск, множество, но вот причина, ближайшим следствием которой является риск, обнаруживается в конфликте. В связи с чем урегулирование конфликта становится универсальным средством купирования рисков.

Социальные риски — это явление объективного характера, и оно будет таковым до тех пор, пока конфликт закономерен и востребован обществом как некий регулятор всех связей и отношений, а быть регулятором отношений — значит быть инкорпорированным в эти отношения, а не находиться за их пределами в качестве самостоятельной субстанции, определяющей эти пределы. В связи с чем конфликт источает риск, точнее, производит риск, последний закрепляется в отношениях, становясь их непреложным элементом, оказывая обратное воздействие на конфликт установлением пределов действий взаимодействующих сторон. Круг замкнулся, но процесс конфликтного взаимодействия и рисков не завершился, он просто совершил кругооборот, для того чтобы вновь породить причины и следствия, меняющиеся местами. Тем самым этот метаморфоз конфликта и риска, перехода одного в другое и есть объективно представленный процесс как урегулирования конфликта, так и снижения рисков в существующих отношениях. И этот процесс свершения и разрешения осуществляется одновременно, указывая нам на внутреннюю способность саморегулирования общества, в котором мы живем. Особенно это заметно в экономической жизни общества, где конкуренция, порождая риски, инкорпорирует их в отношения, отношения в виде норм устанавливая предел действиям экономическим субъектам, умеряя или, наоборот, усиливая накал конкуренции и тем самым либо снижая, либо увеличивая рискогенный потенциал конкуренции.

Мы видим, как конфликт, однажды явившись причиной риска, становится его следствием. Эти метаморфозы происходят в силу генетического тождества конфликта и риска, порожденного капиталистическим способом производства, перехода одного в другое и доминирования одного над другим. При условии отсутствия конкуренции социальные риски как следствие последней свелись бы на нет, над чем современное российское государство активно работает, внедряя в свою экономическую политику принцип стратегического планирования [14, с. 262–265], политического инструмента сдерживания потенциала конкуренции в определении рисков, их социально-пространственного распределения и обратного влияния на конкуренцию, но не их полного исключения. Риск, если отбросить в сторону многие социальные следствия конфликта, есть в конечном счете его продукт, без кото-

рого данный способ производства не может быть тем, что он есть. Потому конкуренция и лелеется [15, с. 559], и защищается [16], риск лишь учитывается.

Социальный риск может существовать как следствие взаимодействия человека с природой. Но такой риск не продукт конфликта, природа не может быть в полной мере отрицаема, она есть сама отрицание и одновременное утверждение человека. И это свойство природы предопределяет сущность взаимодействия с ней человека. Отрицание природы человеком есть побочный продукт его деятельности, а увеличивающиеся в связи с этим риски экологического характера в общем и целом могут быть сведены к нулю при условии снижения уровня конкуренции и распределения прибыли не частным, а общественным порядком. Поэтому социальные риски как следствие взаимодействия человека с природой имеют перспективное решение.

Междисциплинарный анализ социального конфликта и риска приводит нас к выводам, укрепляющим представления о конфликтологии как междисциплинарной науке, а будучи таковой, она не дает права той или иной науке монополизировать знания о конфликте и риске. Но в то же время представления о междисциплинарности и междисциплинарном подходе не вполне удовлетворительны, в силу чего требуют уточнений, заключающихся в следующем: во-первых, под междисциплинарностью понимается сегодня такой метод познания, который явление действительности и саму действительность представляет как совокупность связей, которые могут быть проанализированы с позиций сразу нескольких наук; во-вторых, результаты такого междисциплинарного анализа представляют собой сумму знаний, полученных простым сложением результатов, приобретенных в недрах тех или иных наук; в-третьих, подобное сложение результатов анализа не дает приращения знаний, оно их расширяет, как результат рассмотрения одной и той же проблемы с точки зрения многих дисциплин; в-четвертых, при понимании междисциплинарности как некоторой суммы знаний о явлениях, полученных в результате дифференцированного анализа со стороны совокупности наук, не возникает интегрированного знания о сущности явления, совпадающие предметные области, анализируемые многими науками, опять же укладываются в прокрустово ложе дисциплинарности, язык науки остается все тем же дисциплинарным языком; в-пятых, под покровом внедрения междисциплинарности в анализе действительности просматривается попытка признать диалектику за методологическую основу ее анализа действительности, попытка актуализировать ее эвристический потенциал, позволяющей не отгораживаться от действительности, а исходить из ее фактов в их связи и сцеплении, взаимных переходах, отрицании и утверждении, в борьбе и единстве, что для конфликтологии наиболее востребовано. Конфликт, будучи ведущим способом взаимодействия, определяет свои структурные элементы в той степени конфликтности, которые не разрушают единства, и неважно, за счет каких обратных действий институтов, выражающих общий интерес, достигнуто данное единство, тот уровень мира, который необходим для сохранения целостности. В конфликте стягиваются воедино все свойства и качества, присущие человеку, исторически определенному, а значит — обусловленному и наделенному той степенью социальности, мира и борьбы, которые объективно необходимы существующему обществу в его воспроизводстве. Всякое движение индивидов в направлении борьбы есть факт снижения степени мира, показатель снижения устойчивости, безопасности, социальной целостности, и наоборот, всякое движение в направлении мира есть снижение угроз, вызовов,

а вместе с тем рисков. Риски, являясь ближайшим и прямым следствием конфликтов, находятся в диалектическом единстве с последними, противоположны им лишь как причина противоположна следствию, при постоянном тождестве отрицания, этой содержательной стороны конфликта и риска. Междисциплинарный анализ в полной мере раскрывает свой эвристический потенциал в анализе явлений, понижающих и определяющих, сферальную специфику существующего общества, сохраняя неизменно общее, не ассимилированное спецификой сфер. Конфликт как способ взаимодействия не изменяет свою природу, в какой бы сфере общественной жизни ни зарождался и ни протекал, и потому только в силу этого свойства становится предметом междисциплинарного анализа. С таким же правом предметом междисциплинарного анализа является и риск.

Социогуманитарные науки обеспокоены решением тех проблем, которые являются результатом существующего общественного уклада. Но коль эти проблемы есть порождение этого уклада, без которых он не может существовать, т. е. нет внутренних потенциалов данного уклада разрешить эти проблемы, может ли наука дать рецепты излечения недуга, если недуг является нормой для этого социального организма? Она не сможет этого сделать без достаточной и достойной критики существующих проблем, без открытия законов, освобождающих общество от них. В противном случае они вступят в противоречие с самими собой, что чревато их полным упразднением и забвением. В междисциплинарном подходе анализа действительности, предметной областью которого является общество, не разделенное на множество обществ, существующих по своим характерным основаниям и противостоящим друг другу, сокрыта потенция возрождения социогуманитарного знания, не делимого на дисциплинарные знания, а интегрированного и универсального. В междисциплинарном подходе кроется познавательная синергия, способная уберечь социогуманитарное знание от социальной девальвации.

Литература

1. Львов, А. А. (2021), Специфика историко-философского исследования в гуманитарных науках, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 37, вып. 3, с. 449–463.
2. Мокий, В. С. и Лукьянова, Т. А. (2017), Междисциплинарные взаимодействия в современной науке: подходы и перспективы, *Экономическая наука современной России*, вып. 3, с. 7–21.
3. Дарендорф, Р. (1998), *После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе*, М.: Ad Marginem.
4. Ковальчук, М. *Конвергенция наук и технологий: от неживого к живому*. 1-я лекция. URL: <https://smotrim.ru/video/778688> (дата обращения 15.02.2022).
5. Карпова, Е. Г. и Карпов, Э. С. (2019), Междисциплинарность в образовании как следствие трансформационных процессов в обществе, в: *Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании — 2019 (Знания как цель, средство и катализатор общественного развития в цифровом мире)*: материалы Четвертой международной конференции (Ростов-на-Дону, 20–22 июня 2019 г.): в 3 т., т. 2, ч. 2, Южный федеральный университет; [отв. ред. Е. Ю. Баженова], Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, с. 92–100.
6. Четверть россиян отказались верить соцопросам. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=602130> (дата обращения: 10.02.2022).
7. Блок, М. *Апология истории, или Ремесло историка*. URL: https://mir-knig.com/read_222590-3 (дата обращения: 07.01.2022).
8. Маркс, К. и Энгельс, Ф. (1955), *Немецкая идеология*, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., Сочинения, М.: Государственное изд-во политической литературы, т. 3, с. 7–544.

9. Маркс, К. (1955), *Нищета философии*, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., Сочинения, М.: Государственное изд-во политической литературы, т. 4, с. 65–186.
10. Козер, Л. (2000), *Функции социального конфликта*, перев. с англ. Назарова, О. А., М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
11. Маркс, К. (1957), *Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта*, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., Сочинения, М.: Государственное изд-во политической литературы, т. 8, с. 115–217.
12. Анцупов, А. Я. (2020), Проблема общей понятийной схемы описания конфликтов, *Конфликтология*, т. 15, № 2, с. 13–37.
13. Луман, Н. (1994), Понятие риска, *THESIS*, вып. 5, с. 135–160.
14. Данилин, А. Б. (2019), *Будущее России: суверенитет, качество жизни, модернизация*, М.: Современные тетради.
- Энгельс, Ф. (1955), *Наброски к критике политической экономии*, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., Сочинения, М.: Государственное изд-во политической литературы, т. 1, с. 544–571.
16. *Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2022 года (ред. 57)*. URL: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-o-zashchite-konkurencii> (дата обращения: 20.01.2022).

Статья поступила в редакцию 13 января 2022 г.;
рекомендована к печати 5 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Абгаджав Даур Арнольдович — канд. социол. наук, доц.; d.abgadzhava@spbu.ru
Стребков Александр Иванович — д-р полит. наук, проф.; a.strebkov@spbu.ru

Social conflict and risk in interdisciplinary analysis*

D. A. Abgadshava, A. I. Strebkov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Abgadshava D. A., Strebkov A. I. Social conflict and risk in interdisciplinary analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 2, pp.218–230. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.206> (In Russian)

The article analyzes conflict and risk from the standpoint of an interdisciplinary approach, which is increasingly gaining recognition and authority as a methodological paradigm that opens up scientific prospects, especially in the analysis of the multi-component phenomena of social life. Claims of Conflictology as a young science to be interdisciplinary in nature are due to its subject, the way of interaction in society, penetrating all spheres, and at the same time denying and affirming connections and dependencies at the same time, thereby determining the image of society itself. Society as a system in the disciplinary paradigm of conflict analysis is presented as a product of contradictions that manifest themselves in conflict as a destructive force. This force threatens existing security and seeks to abolish existing systems of relations. In the interdisciplinary paradigm, the destructive function of conflict is conceived as a preparatory stage for its creative ability to resolve the accumulated contradictions. In the disciplinary paradigm, conflict is a way of destroying the world; in an interdisciplinary one, it is a way of destroying the old and creating a new world. In the first case, the non-systemic nature of the conflict is indicated, in the second, it is indicated that the conflict is the law of the existing system, without which this system cannot reproduce itself. Turning to interdisciplinary analy-

---

* The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

sis allows us to see in the conflict both its negative and positive properties, regardless of how antagonistic the opposites that take place in society are. Interdisciplinary analysis also leads us to an understanding of the identity and difference between conflict and risk, allowed us to consider the issue of social risk in the context of the issue of conflict, reveal the socio-genetic relationship between them and come to the conclusion that conflict produces risk, the latter is fixed in relationships, becoming their indispensable element, exerting a reverse effect on the conflict, setting limits for the actions of the interacting parties.

Keywords: interdisciplinarity, interdisciplinary approach, conflictology, conflict, risk.

References

1. Lvov, A. A. (2021), Specifics of historical and philosophical research in the humanities, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, iss. 3, pp. 449–463. (In Russian)
2. Mokiy, V. S. and Lukyanova, T. A. (2017), Interdisciplinary interactions in modern science: approaches and prospects, *Economic science of modern Russia*, vol. 3, pp. 7–21. (In Russian)
3. Dahrendorf, R. (1998), *After 1989. Morality, revolution and civil society. Reflections on the Revolution in Europe*, Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
4. Kovalchuk, M. *Convergence of sciences and technologies: from inanimate to living*, 1st lecture, available at: <https://smotrim.ru/video/778688> (accessed: 15.02.2022). (In Russian)
5. Karpova, E. G. and Karpov, E. S. (2019), Interdisciplinarity in education as a result of transformational processes in society, in: *Mezhdistsiplinarnost' v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii — 2019 (Znaniia kak tsel', sredstvo i katalizator obshchestvennogo razvitiia v tsifrovom mire): Materialy Chetvertoi mezhdunarodnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 20–22 iunია 2019 g.): v 3 t., t. 2, ch., 2, Iuzhnyi federal'nyi universitet; [otv. red. E. Iu. Bazhenova]*, Rostov-na-Donu, Taganrog: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta Publ. (In Russian)
6. *A quarter of Russians refused to believe opinion polls*, available at: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=602130> (accessed: 10.02.2022). (In Russian)
7. Blok, M. *Apology of History, or the Craft of the Historian*, available at: https://mir-knig.com/read_222590-3 (accessed: 07.01.2022). (In Russian)
8. Marx, K. and Engels, F. (1955), German ideology, in: Marx, K. and Engels, F., *Works*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 3, pp. 7–544. (In Russian)
9. Marx, K. (1955), *The Poverty of Philosophy*, in: Marx, K. and Engels, F., *Works*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 4, pp. 65–186. (In Russian)
10. Coser, L. (2000), *Functions of social conflict*, transl. from English by Nazarova, O. A., Moscow: Idea-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)
11. Marx, K. (1957), *The eighteenth Brumaire Louis Bonaparte*, in: Marx, K. and Engels, F., *Works*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 8, pp. 115–217. (In Russian)
12. Antsupov, A. Ya. (2020), The problem of the general conceptual scheme for describing conflicts, *Conflictology*, vol. 15, no. 2, pp. 13–37. (In Russian)
13. Luhmann, N. (1994), The concept of risk, *THESIS*, vol. 5, pp. 135–160. (In Russian)
14. Danilin, A. B. (2019), *Future of Russia: sovereignty, quality of life, modernization*, Moscow: Sovremennye tetradi Publ. (In Russian)
15. Engels, F. (1955), *Sketches for the Critique of Political Economy*, in: Marx, K. and Engels, F., *Works*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 1, pp. 544–571. (In Russian)
16. *Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition" as amended from January 1, 2022 (rev. 57)*, available at: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-about-competition-protection> (accessed: 20.01.2022). (In Russian)

Received: January 13, 2022

Accepted: April 5, 2022

Authors' information:

Daur A. Abgadshava — PhD in Sociology, Associate Professor; d.abgadzhava@spbu.ru
Alexandr I. Strebkov — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; a.strebkov@spbu.ru